

ОТВАЖНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ТОСТЕР

Сказка для послушных электробытовых приборов

С самого момента своей установки в загородном доме кондиционер стонал и задыхался. Он начинал слабеть, стареть и выходить из строя. Все прочие электробытовые приборы испытывали тоску и беспокойство, но когда он окончательно прекратил действовать, почувствовали облегчение. За это время никаких истинно дружеских связей между ними не возникло... совсем никаких.

И сейчас в доме оставалось пять приборов. Пылесос, самый старший из всех, солидной и надежной модели (это был Гувер), являлся их шефом, если считать, что таковой у них имелся. А также радио с будильником, но без частотной модуляции, из белого треснувшего пластика; веселый желтый электрический плед и настольная лампа, приобретенная в ломбарде, размышлявшая иногда по ночам, делает это ее выше или ниже по статусу других приборов, купленных в магазине. И, наконец, тостер, блестящий маленький Санбим. Он был самым молодым членом семейства и единственным, кто провел в летнем домике всю свою жизнь. Четверо прочих прибыли из города вместе с хозяином многими годами ранее.

Это был приятный дом... очень холодный зимой, естественно, но для приборов последнее имело мало значения. Он стоял на северной опушке огромного леса в километрах от других поселений и так далеко от ближайшей дороги, что никакой шум сюда не доносился, ни днем, ни ночью, за исключением криков и странного гула леса и успокаивающих звуков самого жилища... потрескивания балок и постукивания капель дождя по оконным стеклам. Они привыкли к своему загородному существованию и любили безмерно этот маленький дом. Даже если бы у них имелся выбор, чего не скажешь, они бы ни за что на свете не захотели, чтобы их отвозили назад в город после каникул, как это происходило с некоторыми другими приборами, такими как миксер и телевизор. Они были преданы своему хозяину (врожденное качество всех электробытовых приборов), но проведя так много времени в лесах, необъяснимым образом изменили свой характер и уже относились с уважением к любому самому невероятному образу жизни.

Тостер являлся особым случаем. Он прибыл прямо из магазина товаров почтой, что объясняло, почему он проявлял больше любопытства к городской жизни, чем четверо остальных. Часто, будучи предоставлен самому себе, он раздумывал, какую модель тостера может иметь его хозяин в своей городской квартире, и втайне лелеял убеждение, что какова бы ни была модель другого тостера, этому последнему все равно не удаются превосходно поджаренные кусочки хлеба лучше, чем ему. Ни слишком темные, ни слишком бледные, а как раз коричневато-золотистые и хрустящие! Однако этим размышлением он ни с кем не делился, поскольку все они при случае испытывали болезненные сомнения по поводу своей действительной полезности. Старый Гувер мог часами напролет перебирать в уме новые модели пылесосов с низкой посадкой, с длинным гибким шлангом и одноразовыми мешками для сбора мусора. Радио сожалело о том, что не может принимать разные станции, а электрический плед считал, что нуждается в хорошей сухой чистке. Настольная лампа, в свою очередь, никогда не могла глянуть на лампочку в сто ватт без чувства острой зависти.

Но тостер, в отличие от остальных, был собой доволен. Хотя он и знал из журналов, что существуют модели тостеров, вмещающих сразу по четыре куска хлеба, но не думал, что его хозяин, который жил один и, похоже, не имел много друзей, мог бы пользоваться таким прибором «на много персон». В поджаренных гренках ценится не количество, но качество: таково было кредо тостера.

Логичным выглядело бы предположение о том, что эти приборы, живущие в комфортабельном доме, окруженном величественным пышным лесом, не имели никаких причин для жалоб и тревоги. Но, увы, это не так. Все они были несчастны и страдали, находясь в затруднении по поводу того, что им нужно делать... поскольку эти пять бедных электробытовых приборов были заброшены.

– И самое тяжелое, – заявляло радио, – что мы не знаем, по какой причине.

– Хуже всего, – нагнетала настольная лампа, – оставаться таким образом в темноте, без объяснений, не зная, что могло произойти с хозяином.

– Два года, – вздыхал электрический плед, – как он, до этого живой и веселый, погрузился в меланхолию.

– Скорее, два года с половиной, – уточнило радио, обладавшее обостренным чувством времени. – Хозяин оставил нас 25 сентября 1973 года, а сейчас 8 марта 1976. Получается два года, пять месяцев и тринадцать дней.

– Как думаете, он знал, что не вернется, когда уезжал? – спросил тостер, раскрывая тайный страх, который никто из них не осмеливался выразить вслух. – Знал, что покидает нас... и не решился сказать? Такое возможно?

– Нет, – заявил старый верный Гувер, – это немислимо. Я могу утверждать, не боясь ошибиться, наш хозяин никогда бы не бросил дом, полный исправных приборов, чтобы им ржа... ржаветь!

Плед, лампа и радио поспешили согласиться. Хозяин ни разу не поступал с ними с такой бесцеремонностью. Что-то должно было произойти... какой-то инцидент, непредвиденное обстоятельство.

– В таком случае, – сказал тостер, – нам остается лишь проявить терпение и действовать так, словно ничего необычного не произошло. Я убежден, что именно этого ожидает от нас хозяин.

Они так и делали. Каждый день этой весны и этого лета они выполняли свою обычную работу. Радио включалось ровно в семь тридцать каждое утро, и пока оно передавало бодрящую музыку, тостер, не располагая настоящим хлебом, представлял, что поджаривает две хорошо хрустящие гренки из воображаемого. Время от времени он решался приготовить горячие бутерброды с сыром и ветчиной. Для бутербродов толщина кусочков хлеба должна быть отмерена очень точно, иначе потом их не удастся извлечь с легкостью. Конечно же, предпочтительней готовить бутерброды в специально предназначенном для этого гриле, но такового не имелось в загородном доме, оборудованном лишь старой газовой плитой, и тостер старался изо всех сил. В любом случае, воображаемые бутерброды не могли застрять.

Таков был утренний распорядок. По вторникам и пятницам после полудня старый Гувер с грохотом и ревом обходил дом, всасывая каждую пылинку. На деле он собирал очень мало мусора, поскольку жилище имело скромные размеры, а наглухо закрытые окна и двери не давали возможности пыли и грязи проникнуть снаружи, за исключением тех дней, когда пылесос сам выкатывался из дома, чтобы оставить маленькую кучку пыли на опушке леса.

В сумерках настольная лампа зажигалась, и все пять приборов собирались в кухонном углу большой комнаты, занимавшей целиком нижний этаж, чтобы поговорить, послушать новости дня или просто посмотреть через окно на грустное одиночество леса. Затем, когда наступал момент другим аппаратам отключиться, электрический плед заползал по лестнице на антресоли с устроенной там маленькой спальней, где он, ввиду того, что ночи были прохладными даже летом, принимался излучать нежное тепло. О, как высоко бы оценил заботу пледа хозяин! Как бы ему хорошо спалось под его желтой мягкой шерстью с подогревом! Если бы он был там, разумеется.

В конце концов, душным июльским днем, когда чувство удовлетворения от исполненного долга и хорошо упорядоченного образа жизни стало уменьшаться, маленький тостер снова взял слово.

– Так не может продолжаться, – заявил он. – Это не в порядке вещей, чтобы электробытовые приборы жили сами по себе. Мы должны служить людям, и нам нужно, чтобы люди занимались нами. Еще немного и мы начнем выходить из строя, один за другим, как тот бедный кондиционер, и никто нас не починит, поскольку ни одна живая душа не узнает о нашей печальной участи.

– Осмелюсь утверждать, что мы все гораздо прочнее какого-то кондиционера, – заявил плед, желая продемонстрировать бодрость духа.

Вероятно, стоит уточнить, что электрический плед никогда не испытывал горячей симпатии к кондиционеру, равно как к любому аппарату, функцией которого было производить холод.

– Вы говорите о себе, – возразила лампа. – Вы будете исправно работать еще годы, полагаю, но что станет со мной, когда моя лампочка перегорит? Что станет с радио, когда его транзисторы сделают то же самое?

Радио испустило жалобный стон, отягощенный треском помех.

– Тостер прав, – признал старый Гувер. – Нам нужно действовать. Абсолютно необходимо что-то делать. У вас есть предложения?

– Если бы мы могли позвонить хозяину, радио было бы достаточно прямо задать этот вопрос, – объявил тостер громко. – Хозяин сказал бы, что мы должны делать. Но телефон отключен вот уже почти три года.

– Два года, десять месяцев и три дня, – уточнило радио.

– Поэтому нам не остается ничего, кроме как самим пойти искать нашего хозяина.

Все смотрели на тостер, онемев от удивления.

– В этом нет ничего необычного, – настаивал тостер. – Разве не помните?.. На прошлой неделе радио рассказывало нам историю о милом маленьком фокстерьере, случайно забытом в летнем домике. Как его там звали?

– Гровер, – ответило радио. – Эту историю передавали в радиожурнале в восемь часов.

– Ну да. И Гровер отыскал дорогу к своему хозяину, который проживал в сотнях километров отсюда, в каком-то городе Канады.

– В Виннипеге, насколько я помню, – подсказало радио.

– Верно. И чтобы до него добраться, ему пришлось пересечь болота и горы, столкнуться с тысячей опасностей, но, в конце концов, он его нашел. Если подобное удалось одной простой собаке, подумайте, что могут сделать пять электроприборов, таких как мы, помогая друг другу.

– У собак есть лапы, – заметил плед.

– О, не будьте мокрым пледом, – ответил тостер слегка насмешливым тоном.

Наверное, следовало воздержаться от этого, поскольку плед, имевший не очень развитое чувство юмора и, как следствие, крайне ранимое самолюбие, принялся стонать. Он заявил, что ему пора пойти растянуться на кровати. И ничего не хотел слушать, пока тостер не принес ему извинения по всей форме.

– Кроме того, собаки имеют нос, – вернулся к своему успокоенный плед. – И нюх помогает им найти дорогу.

– Хотел бы я увидеть собаку, которая способна всасывать в себя воздух лучше меня, – возразил старый Гувер.

В доказательство своих способностей он включился и сделал глубокий шумный вдох, так что зашевелились ворсинки по всему ковру.

– Великолепно! – признал тостер. – Пылесос будет нашим нюхом... а также лапами.

Гувер остановил мотор, чтобы спросить:

– Прошу прощения?
– О, я хотел сказать «нашими колесами». Эти последние гораздо эффективнее лап и ног.

– А другие, – поинтересовался плед, – у кого нет ни колес, ни лап? Что делать нам? Я не чувствую в себе достаточно упорства, чтобы ползти до того поселения, в котором живет хозяин, где бы оно ни находилось. Впрочем, даже попытайся я это сделать, очень скоро от меня остались бы одни лохмотья.

Плед был сильно недоволен, но тостер выступил хорошим дипломатом, приведя на каждое возражение неопровержимые контраргументы.

– Вы совершенно правы. Более того, если радио или я попробуем сами преодолеть такое расстояние, мы придем в состояние еще более плачевное. Но в том не будет необходимости, поскольку мы «позаемствуем» колеса...

Лампа неожиданно вспыхнула.

– Мы соорудим нечто вроде повозки!

– И будем путешествовать в комфорте и роскоши, – добавило радио.

Иногда оно пользовалось тем тоном, которым дикторы нахваливают достоинства отдельных товаров.

– Ну, я не знаю, – сказал плед. – Возможно, у нас получится.

– Вопрос в том, способен ли пылесос на это? – заметил тостер, поворачиваясь к последнему.

Из глубин своего мотора Гувер выдал рокочущий гул, спокойный и уверенный.

* * *

Найти колеса оказалось куда труднее, чем предполагал тостер. Поначалу он думал о газонокосилке, которая покоилась во дворе под навесом, но пятеро приборов не имели необходимых навыков, чтобы отделить ее тяжелые режущие лезвия. И хотя Гувер был не против оставлять за собой полосу подстриженной травы, пришлось отступить от этих прочных резиновых колес.

Плед, подстегиваемый теперь жадной приключений, предложил воспользоваться кроватью из спальни наверху, снабженной четырьмя поворачивающимися колесиками. Однако вес кровати был таков, что пришлось и ее отвергнуть. У пылесоса не хватило бы мощности тянуть подобный груз даже по ровной дороге... не говоря уже о пересеченной местности.

И, похоже, все варианты исчерпались. Больше в доме не имелось ни одного подходящего колеса, за исключением приспособления для точки ножей, которое действовало, катаясь по гладкой поверхности. Тостер ломал себе голову, пытаясь найти способ использовать эту кухонную принадлежность, но какое транспортное средство можно сконструировать при помощи единственного колесика четырех сантиметров в диаметре?

Долгожданное решение было найдено в пятницу, когда Гувер занимался своими хозяйственными делами. Как обычно он рокотал вокруг конторского кресла, расположенного перед столом хозяина. Несмотря на мощные наскоки, ему никак не удавалось сдвинуть с места круглые ножки, образовавшие углубления в ковре. В тот момент, когда пылесос удвоил свои усилия, тостер осознал, что кресло можно было бы легко перемещать... *если бы у него оставались первоначально имевшиеся колесики!*

Понадобилось почти полдня, чтобы пять приборов смогли спустить кровать с антресолей, перевернуть ее и отвинтить поворачивающиеся колесики. Но затем они уже не испытали никаких затруднений, приспособив их к креслу. Колесики точно подошли к круглым ножкам, словно родные. Стандартизация – вещь замечательная!

Они закончили. Транспортное средство было готово к передвижению. Сидение оказалось достаточно просторным, чтобы принять четырех пассажиров, и достаточно

высоким, чтобы обеспечить им прекрасный обзор. Они провели остаток дня, разъезжая по гравиевой дорожке, ведущей между цветочными клумбами от дома к почтовому ящику. Но там каждый раз приходилось останавливаться, поскольку только до этого места дотягивался электрический шнур пылесоса, подсоединенный к удлинителю, собранному воедино из всех имевшихся в жилище кабелей.

Радио испустило долгий вздох, потом сказало:

– Ах, если бы у меня сохранились мои батарейки...

– Батарейки? – переспросил тостер. – Я не знал, что у вас имелись батарейки.

– Это было до вашего прибытия к нам, – грустно сказало радио. – Во времена моей новизны. Когда первые батарейки сели, хозяин не счел нужным их заменять. Зачем батарейки, если меня можно подключить к электрической сети?

– В любом случае, я не вижу, чем ваши маленькие батарейки на пять вольт могли бы помочь в решении моей проблемы, – заметил Гувер с раздражением.

Самолюбие радио, похоже, было задето. В нормальных условиях пылесос никогда бы не позволил себе столь грубого и высокомерного замечания, но последние несколько недель озабоченности начинали сказываться на характере каждого из них.

– Это «наша» проблема, общая, – напомнил тостер с легким упреком. – Кроме того, радио право, вы знаете. Если бы нам удалось найти достаточно мощную батарею, мы могли бы прикрепить ее под сидением и отправиться в путь уже сегодня.

– Если бы! – повторил Гувер намерено гнусавым голосом. – Если бы! Если бы!

– А я знаю, где находится достаточно мощная батарея, – почти пропела настольная лампа. – Случалось ли вам заглядывать в пристройку за домом?

– В сарай для инструментов? – вскричал плед с ужасом. – Конечно, нет. Мрачное сырое место, кишашщее пауками.

– Ну, а я отважилась на это не далее как вчера и немного там пошарила. И кое-что заметила за поломанными граблями и старыми банками из-под краски... большой черный ящик. Разумеется, он совсем не похож на ваши милые красные цилиндрики, – уточнила лампа, склоняя свой колпак в сторону радио, – но сейчас мне кажется, что это могло бы послужить нам батареей.

Приборы отправились в сарай для инструментов, и там, в самом темном углу, как и рассказывала лампа, действительно находился аккумулятор от старого Фольксвагена. Хозяин купил его незадолго до того, как решил поменять свой Фольксваген на желтый Сааб. Он собирался поставить новый аккумулятор на место старого и пристроил в сарай, перед тем как... разве это не похоже на него?... напроць забыть.

Старый Гувер и тостер оба имели достаточно познаний в электричестве, чтобы быстро подсоединиться к нему таким образом, чтобы он послужил им даже лучше, чем автомобилю. Но пока новые приборы, слушающие эту сказку, не вообразили, что могут без последствий для себя повторять подвиги наших героев, стоит их предостеречь: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ОПАСНО. Нельзя играть со старыми аккумуляторами. Никогда не всовывайте свои штепсели в незнакомые разъемы! И если вы не уверены, какое напряжение в цепи, *обязательно справьтесь у компетентного прибора.*

И так они отправились искать своего хозяина в далекий город, где он жил. Очаровательный летний домик вскоре скрылся из виду за листвой и ветками лесных деревьев. Они все дальше и дальше углублялись в лес, и только ослабевшие лучики света, которым удавалось проникнуть сквозь густые кроны, освещали им путь. Тропа поворачивала и петляла, приводя в замешательство своею запутанностью. Дорожная карта, взятая с собой, оказалась совершенно бесполезной.

Естественно, проще всего было бы двигаться по главной магистрали, ведущей в город, учитывая, что повсюду пролегали дороги, на нее выходящие. К несчастью, они не имели возможности ею воспользоваться. Пять таких крупных приборов не могли бы

остаться незамеченными людьми, которые следуют тем же самым путем. Существует закон, непреложный для всех механизмов: каждый раз, когда на них смотрит человек, они должны немедленно прекратить всякую личностную деятельность. Поэтому на оживленном шоссе им пришлось бы провести основную часть времени в неподвижности. Более того, существовала еще одна причина, заставлявшая их держаться в стороне от больших дорог... пираты! И это была опасность настолько чудовищная и пугающая, что они отказывались даже думать о ней. Но случалось ли кому слышать, чтобы пираты бродили по лесной чаще?

Тропа уклонялась, огибала буреломы и старицы, ныряла в ложбины и взбиралась на холмики, и бедный Гувер начал уставать. Несмотря на мощность аккумулятора, ему было совсем нелегко продолжать свой путь по такой неровной местности, тем более с дополнительной нагрузкой в виде кресла и его четырех пассажиров. Но за исключением чуть более надсадного, чем обычно, гула, старый пылесос продвигался вперед без жалоб. Какой урок всем нам!

Что касается остальных, то они были охвачены воодушевлением. Лампа вытягивала длинную шею во все стороны и вскрикивала от восхищения пейзажем. Даже плед забыл свои страхи и разделил общую жажду открытия. Резисторы тостера покалывало от постоянного возбуждения. Все было странным и чарующим, и таким новым!

– Не правда ли, чудесно! – воскликнуло радио. – Послушайте! Вы слышите их? Птицы!

Оно попыталось скопировать прозвучавшую руладу... вряд ли бы это обмануло хотя бы одну из настоящих птиц, поскольку звучанием больше напомнило кларнет. Тем не менее, дрозд, вяхирь и несколько синиц спорхнули ниже, чтобы, наклонив головы, послушать. Но лишь ненадолго. После двух-трех одобрительных трелей все вернулись на свои места в кронах. Птицы таковы: уделив вам пару минут вежливого внимания, снова становятся обычными незнакомыми птицами.

Радио сделало вид, что его это не задело, но вскоре прекратило свои имитации и перешло на любимые мотивы: некоторые замечательные рекламные запевки Кока-колы и жевательной резинки Голливуд, а также длинные комические куплеты знаменитой марки джинсов унисекс. Нет ничего действеннее хорошо известной рекламы, чтобы сделать лес более привычным местом, и они быстро почувствовали уверенность и повеселели.

Время перевалило за полдень, и Гувер теперь вынужден был отдыхать все чаще и чаще... он останавливался под предлогом, что ему нужно опорожниться.

– Вы не поверите, до чего этот лес грязный, – восклицал он, вытряхивая из мешка для сбора мусора последний листок.

– А я нахожу его очень приятным, – заявил плед. – Воздух такой свежий, а какие запахи приносит ветерок! Я чувствую себя заново родившимся. Словно меня только что вынули из упаковки. Ну почему, почему электрические пледы никогда не берут с собой, отправляясь позавтракать на траве? Это чересчур несправедливо!

– Наслаждайтесь, пока еще есть время, дети мои, – заявило радио угрожающим тоном. – Судя по последней сводке погоды, нас настигает дождь.

– А деревья не послужат крышей? – спросила лампа. – Солнечные лучи они хорошо задерживают.

Никто не знал ответа на вопрос лампы, но вскоре они убедились, что деревья менее непроницаемы, чем крыша. Все они в той или иной степени промокли, а бедный плед вообще насквозь пропитался водой. К счастью, ливень длился недолго, и почти сразу снова выглянуло солнце. Промокшие приборы с трудом продвигались по раскисшей дорожке, которая, в конце концов, вывела их на лесную поляну, поросшую цветами и залитую солнечным светом. И там уже плед смог растянуться на траве, чтобы просушиться.

Послеполуденные часы настраивались перейти в вечерние, и тостер, как и все они, ощутил потребность в уединении. Даже любя сотоварищей, он не имел привычки проводить все свое время в их компании. Ему хотелось отделиться на время, остаться в одиночестве, чтобы появились свои личные мысли. И ничего не сказав остальным, он отошел к самому дальнему краю лужайки и принялся представлять, что готовит горячий бутерброд. Для него это было лучшим способом расслабиться.

Воображаемый бутерброд только начал нагреваться, когда грезы тостера были прерваны самым нежным допросом.

*Цветок прекрасный, расскажи,
К какому виду надлежит
Тебя отнести? Такая пытка,
Ведь я простая маргаритка,
Влекут, слепят меня черты
Твоей нездешней красоты.
О, лепестки твои бледны,
И ты, скорей всего, с Луны.
Но кто б ты ни был и откуда,
Могут ли я на это чудо
Надеяться, что ты возьмешь
Мою любовь, не оттолкнешь?*

– Вы очень любезны, – ответил тостер, обращаясь к маргаритке, прижимавшейся своими лепестками к его хромированным деталям. – Очень мило с вашей стороны задать мне этот вопрос, но я не цветок. Я электрический тостер.

*Ты не обманешь же, наверно,
Влюбленную в тебя безмерно
Простую душу? Посему
Просунь свой корень к моему!*

Это пылкое признание настолько ошеломило тостер, что на мгновение он онемел. Ему ни разу в жизни не доводилось слышать, как цветы изъясняются на своем языке, и он не понимал, что они могут сказать любую вещь, исключительно ради соблюдения рифмы. Как хорошо известно ботаникам, цветы говорят только стихами. Маргаритки, относящиеся к наименее благородным видам, способны лишь на дрянные восьмистопные вирши с парной рифмовкой, но виды более развитые, и, особенно, экзотические, могут использовать секстины, рондо и вилланели самым удачным образом.

Но маргаритка не просто увлеклась рифмами. Она была красива и действительно влюбилась в тостер, вернее, в собственное отражение в его зеркальном корпусе. Этот цветок (отражение маргаритки) удивительно походил на нее саму, оставаясь в то же время совершенно другим. И именно из таких парадоксов часто рождается самая страстная любовь. Маргаритка кривлялась на своем стебле и трясла белыми лепестками, словно под воздействием внезапно налетевшего урагана.

Тостер, сильно встревоженный таким несдержанным поведением, объявил, что ему пора присоединиться к друзьям, которые находятся на другом краю лужайки.

*Ты тут расти, цветок любимый,
Иначе я, тоской томима,
Главой поникнув до земли,
Зачахну от тебя вдали,
Моя витальная искринка,*

*Мой перегной, моя росинка!
Останься здесь, чтоб я могла,
Пока не наступила мгла,
Лелеять, холить лепестки
Твои. О! как они близки...
Какою красотой неземной
Лучится венчик кружевной!
Божественный, ну будь проворней,
Переплетем же наши корни!*

– Послушайте, – ответил тостер тоном легкого упрека, – у вас нет никаких причин вести себя таким образом. Мы едва знакомы друг с другом, кроме того, вы, кажется, ошибаетесь относительно моей природы. Разве вы не осознаете, что называете корнем шнур электропитания? Что касается лепестков, то я вообще не могу догадаться, о чем вы говорите, у меня нет ничего похожего. А сейчас... мне в самом деле нужно идти к друзьям, поскольку нам предстоит долгая дорога к жилищу нашего хозяина, которое далеко, очень далеко отсюда. И мы никогда не доберемся до места назначения, если не будем торопиться.

*Мне от судьбины злоехидной
Не снести насмешки очевидной.
О, благороднейший, избавь
От поругания Любовь:
Едва найдя, утратить снова
Тебя. О! я на все готова –
Не оставляй одну в пыли,
А с корнем вырви из земли,
И заberi с собою, чтобы
Нутро твое мне стало гробом!*

Глубоко шокированный просьбой и убедившись, что цветок невосприимчив к доводам разума, тостер поспешил на другую сторону поляны и принялся настаивать на немедленном продолжении путешествия. Плед запротестовал, утверждая, что еще не просох, Гувер сослался на усталость, а лампа предложила заночевать на этом месте.

Что они и сделали. Как только ночь наступила, плед развернулся, образовав нечто вроде тента, под которым все и расположились. Лампа зажглась, а радио принялось транслировать веселую музыку... но очень тихо, чтобы не беспокоить других обитателей леса, которые, возможно, уже засыпали. Очень скоро сон одолел и их. Таково воздействие путешествий.

* * *

Как обычно, радио установило будильник на семь тридцать, но приборы проснулись намного раньше. При пробуждении пылесос и лампа пожаловались на скрипы в шарнирных сочленениях. Однако когда все снова двинулись в путь, их боли, похоже, прошли.

При мягком утреннем освещении лес казался прекрасным как никогда. Паутины, развешанные на ветках, словно миниатюрные электрические сети, сверкали росой. Симпатичные грибы выглядывали из-под земли возле деревьев, напоминая своим видом гирлянды лампочек с разноцветным напылением. Шелестели листья, щебетали птицы.

Радио, уверенное, что заметило в кустах лису, требовало пуститься в погоню.

– Надо же вам убедиться, что это действительно была лиса.

Плед пришел в ужас от предложения. Он уже имел две прорехи на теле, зацепившись несколько раз за низко нависшие ветви. Хотел бы он знать, во что превратится, если они покинут тропу и рискнут углубиться в непролазные дебри самого леса.

– Вы только подумайте, – не отступало радио. – Настоящая лиса! Такого случая никогда больше не представится.

– Мне хочется ее увидеть, – объявила лампа.

Тостеру самому было очень любопытно, но он прекрасно сознавал обоснованность опасений пледа, поэтому призвал всех продолжить путь.

– Нам нужно добраться до хозяина как можно быстрее.

Довод был настолько неотразимым, что радио и лампа тут же согласились и вернулись на тропу. Солнце поднялось на самую вершину своего восхождения, а тропинке не виделось конца. После полудня на лес обрушился еще один ливень. Когда он закончился, они снова сделали привал. На этот раз не на лужайке, поскольку лес теперь стоял гуще и более или менее свободные места можно было найти только под большими деревьями. И вместо того, чтобы сушиться на солнце, растянувшись на траве (поскольку ни солнца, ни травы не имелось), плед при поддержке пылесоса развесился на самой нижней ветви огромного столетнего дуба. Несколькими минутами позже он начал сохнуть.

В сумерках, когда лампа уже собралась зажечься, произошло какое-то движение на ветви, расположенной справа от той, на которой блаженствовал развешанный плед.

– Привет! – сказала белка, возникая из листвы. – Мне кажется, у нас гости.

– Привет! – ответили хором электробытовые приборы.

– Хорошо, прекрасно, отлично! – Белка пригладила усы. – Так что вы говорите?

– О чем? – переспросил тостер, не намеревавшийся проявлять недружелюбие. Просто у него имелась склонность понимать вопросы в буквальном смысле, особенно когда он был чрезвычайно уставшим.

Зверек явно смутился.

– Позвольте представиться. Меня зовут Гарольд.

Само произнесение имени, похоже, вернуло ему хорошее настроение.

– А это прекрасное светлое создание...

Еще одна белка спрыгнула сверху и уселась рядом с Гарольдом.

– ... не кто иной, как моя жена Марджори.

– Теперь, когда вы знаете наши имена, вам следует сказать, кто вы, – заметила Марджори.

– Боюсь, у нас нет личных имен, – признался тостер. – Видите ли, мы электробытовые приборы.

– Если у вас нет имен, – удивился Гарольд, – то как вы различаете самцов и самок?

– Среди нас нет ни самцов, ни самок, мы приборы.

Тостер повернулся к пылесосу за подтверждением.

– Что бы это ни значило, – сказала резко Марджори, – законы природы нельзя отменить. Все мы или самцы, или самки. Мыши, птицы и даже насекомые, если верить тому, что о них говорят.

Она закрыла лапой рот и захихикала.

– Вам нравится есть насекомых?

– Нет, – ответил тостер. – Вовсе нет.

Он почел бесполезным пускаться в сложные и тщетные объяснения, почему им не нужно ничего есть.

– Мне тоже, – объявила Марджори. – Но я обожаю орехи. Нет ли у вас их? Может, в том старом ящике?

– Нет, – сухо ответил пылесос. – В «старом ящике» есть только пыль. Два с половиной килограмма, полагаю.

– К чему делать запасы пыли? – изумился Гарольд.

Не дождавшись никакого ответа, он добавил:

– Есть одно очень увлекательное занятие. Можно рассказывать анекдоты. Вам начинать.

– Я не уверен, что знаю хотя бы один, – повинился Гувер.

– А я знаю, – воскликнуло радио. – Вы ведь не эскимосские белки, верно?

Гарольд и Марджори отрицательно помотали головами.

– Замечательно. Скажите... почему необходимы три эскимоса, чтобы вернуть одну электрическую лампочку?

Марджори захихикала в предвкушении.

– Отказываюсь угадать... почему?

– Один – чтобы держать лампочку, а двое других – поворачивать лестницу.

Белки озадаченно переглянулись.

– Объясните нам, – попросил Гарольд, – кто же из них самец, а кто самка?

– Не имеет значения. Просто они очень глупые. В этих анекдотах эскимосы предполагаются настолько тупыми, что все делают наоборот. Это, разумеется, несправедливо по отношению к эскимосам, которые, вероятно, ничуть не глупее остальных, но надо признать, что анекдоты про них обычно очень смешные. Я знаю их не меньше сотни.

– Ну, если они столь же удачные, как этот, то я не горю желанием их услышать, – сказала Марджори. – Гарольд, расскажи им о трех белках, потерявшихся в снегу.

Она повернулась к лампе, чтобы добавить доверительным тоном:

– Вы умрете со смеху, честное слово...

В то время как Гарольд рассказывал историю трех белок, потерявшихся в снегу, приборы обменивались неодобрительными взглядами. Мало того, что им не нравились сальные шутки (особенно Гуверу), они еще и не находили их смешными. Секс и кровосмешение, на которых они были замешаны, просто-напросто очень далеки от жизни электробытовых приборов.

Гарольд закончил анекдот, и Марджори захохотала от всей души, но оставшаяся часть аудитории даже не изобразила улыбки.

– Ладно, – протянул Гарольд, получивший сильный удар по самолюбию. – Надеюсь, вы довольны своим пребыванием под *нашим* дубом.

И на этих словах, коротко качнув хвостами, словно султанами, белки устремились вверх и быстро скрылись в кроне.

Вскоре после полуночи тостер резко пробудился от кошмара (ему снилось, что он вот-вот упадет в ванну, наполненную водой) и очутился в ситуации, почти настолько же драматичной. Грохотал гром, молнии секли небо, дождь лил как из ведра. Сначала тостер не мог понять, где находится и по какой причине здесь оказался. Когда же, наконец, вспомнил, то с обеспокоенностью заметил, что плед, который должен был прикрывать их, исчез. А остальные? К счастью, они были здесь, хотя и явно умирали от страха.

– О, Создатель, – стонал пылесос. – Я должен был предвидеть, я должен был предвидеть! Нам никогда, никогда не следовало покидать дом.

Лампа в приступе молчаливого возбуждения крутила колпаком во все стороны, так что ее слабый луч метался среди мокрых корней дуба; кнопка будильника на радио была утоплена, и он звонил не переставая. В конце концов, тостер приблизился и отключил его.

– О, спасибо, – сказала радио хриплым от помех голосом. – Большое спасибо.

– Где плед? – спросил тостер с тревогой.

– Унесен ветром, – ответило радио. – Унесен на другой конец леса, туда, где нам его никогда не найти!

– О, я должен был предвидеть! – стонал Гувер. – Я должен был предвидеть!

– Вы здесь не причем, – сказал ему тостер.

Но пылесос только громче застонал.

Осознав, что пылесосу он ничем не поможет, тостер остановился перед лампой, стараясь ее успокоить. Когда пучок света перестал беспорядочно метаться по сторонам, тостер попросил направить его на ветви, которые нависали над ними, на случай если плед зацепился за одну из них. Лампа послушалась, но ее свет был чересчур слабым, а ночь слишком темной. Если плед действительно находился наверху, обнаружить его было невозможно.

Неожиданно сверкнула вспышка. Будильник в радио снова включился, а лампа завывала и скрутилась вокруг себя, стараясь стать как можно меньше. Казалось бы, совершенно абсурдно бояться молнии, учитывая, что это всего лишь электрический разряд. Но он такой мощный... и абсолютно неконтролируемый! Если среди тех, кто читает сказку, есть не только приборы, но и человеческие существа, пусть они представят, что встретили буйно помешанного гиганта, намного их большего по размерам, тогда у них возникнет отдаленное представление о том, что испытывают электробытовые приборы при виде молнии!

Во время краткого мгновения, когда вспышка освещала сцену, тостер, не перестававший обшаривать взглядом деревья, сумел различить неясную тень... совсем скомканную... которая могла быть пледом. Тостер дождался еще одной вспышки, и... это точно был желтый плед, зацепившийся за одну из самых высоких ветвей.

Когда все узнали, что плед неподалеку, гроза перестала казаться им такой угрожающей, хотя они и не понимали, каким образом помочь ему выбраться из этого затруднительного положения. Дождь досаждал по-прежнему, но самая тяжелая тоска отступила. Вспышки молнии теперь были скорее желанными, чем пугающими. Их свет позволял увидеть плед, полоскаемый ветром и вцепившийся мертвой хваткой в ветку дуба высоко над ними. Как могли они предаваться унынию или хотя бы тревоге за его судьбу при мысли о том, какой страх должен был испытывать сам плед?

Наутро гроза закончилась. Радио позвало плед на полной громкости, но он не откликался.

На короткое мгновение тостер ощутил глубокую тоску, испугавшись, что их друг перестал функционировать, но радио не прекращало свои призывы и, наконец, плед ответил им, слегка шевельнув истрепанным мокрым уголком.

– ВЫ МОЖЕТЕ СПУСКАТЬСЯ, – кричало радио, – ГРОЗА ЗАКОНЧИЛАСЬ!

– Не получится, – слабым голосом произнес плед. – Я зацепился. Я не в состоянии спуститься.

– Вы должны попытаться, – настаивал тостер.

– Что? – переспросил плед.

– ТОСТЕР ГОВОРИТ, ВЫ ДОЛЖНЫ ПОПЫТАТЬСЯ!

– Я же объясняю, что зацепился. У меня уже есть безобразная дырка прямо в середине, и еще одна у оторочки. Я страдаю...

Плед принялся судорожно корчиться, и дождь капель из обильно пропитанной шерсти пролился вниз. Из своего дупла выбрался Гарольд.

– Что значит весь этот гвалт? – вскричал он властным голосом. – Вы знаете, который час? Белкам нужно еще спать!

Радио попросило Гарольда принять их извинения, затем объяснило причину переполоха. Подобно большинству белок, Гарольд по натуре был добр, и, увидев, в каком положении оказался несчастный плед, тут же предложил свои услуги. Первым делом он вернулся в дупло и разбудил свою супругу. Потом они вместе поспешили помочь пледу освободиться. Операция была долгой и, судя по воплям бедняжки пледа, очень болезненной, но, в конце концов, они добились успеха. Поддерживаемый белками, плед медленно и осторожно сполз по стволу.

Электробытовые приборы окружили своего друга, чтобы посокрушаться над многочисленными прорехами на теле и порадоваться его вызволению.

– Как нам выразить свою признательность? – горячо спросил тостер Гарольда и Марджори. – Вы спасли нашего друга от судьбы, о которой страшно даже подумать. Мы будем вечно благодарить вас.

– Ну, – протянула Марджори, – не помню, говорили ли вы, что у вас есть орехи, но если это так...

– Поверьте, – вступил пылесос, – если бы мы имели орехи, мы отдали бы их вам с радостью. Но вы можете сами убедиться, что в моем мешке только мусор и грязь.

В доказательство Гувер вытряхнул мешок, и густая коричневая каша перепрелых листьев вывалилась на землю.

– У нас нет орехов, – подтвердил тостер разочарованным белкам, – но возможно, мы кое-что сумеем сделать для вас. Любите ли вы жареные орехи?

– О, да, – сказал Гарольд. – Я без ума от орехов в любом виде.

– В таком случае, если вы принесете несколько штук, я с удовольствием их вам пожарю. Столько, сколько пожелаете.

Гарольд с подозрением прищурился.

– Вы хотите, чтобы мы отдали наши орехи? Те, что откладывали все лето?

– Если желаете, чтобы я их пожарил, конечно, – бодро ответил тостер.

– О, принеси их, милый, – вмешалась Марджори. – Не знаю, что он намеревается делать, но вид у него искренний. Возможно, нам понравится то, что он собрался приготовить.

– Мне больше кажется, что он задумал нас провести, – заявил Гарольд.

– Всего два-три из тех, что остались с прошлого года. Прошу тебя...

– Ну, хорошо.

Гарольд взбежал по стволу до дупла, затем вернулся с четырьмя орехами в защечных мешках. По просьбе тостера Гарольд и Марджори разбили и сняли скорлупу, затем Гарольд с большими предосторожностями поместил их на металлическую решетку, выдвинутую из корпуса. Поскольку решетка предназначалась под крупные ломти хлеба, следовало действовать осмотрительно, чтобы маленькие орешки не провалились сквозь прутья. Как только это было сделано, тостер включил нагревательную спираль и принялся за работу. Когда орехи начали принимать красивый коричневатый оттенок, тостер поднял решетку как можно выше и отключил напряжение. Через пару минут, достаточных, по его мнению, для того, чтобы белки не обожгли себе лапы, залезая внутрь корпуса, он пригласил их достать и отведать поджаренные орехи.

– Восхитительно! – заявила Марджори.

– Изысканный вкус! – признал Гарольд.

Как только белки доели первые четыре ореха, они отправились в дупло за другими. Когда съели эти, поспешили за следующими. Марджори особенно была ненасытной. Она умоляла тостера остаться в лесу в качестве их гостя. Они могли бы устроить его в своем гнездышке, где он всегда будет в сухости и тепле, и она представит его всем их друзьям.

– Я был бы счастлив принять ваше приглашение, – ответил тостер не только из вежливости, но из-за признательности, – однако это невозможно. Как только я закончу поджаривать ваши орехи (хотите еще?), мы должны будем отправиться в город, где живет наш хозяин.

Пока тостер жарил несколько дополнительных орехов, радио объяснило белкам важность причины их путешествия. Кроме того, оно продемонстрировало им свои способности и убедило остальных сделать то же самое. Бедный Гувер едва мог работать, настолько был забит грязью. Да и белки не понимали, зачем собирать мусор в одном месте и вываливать его потом в другом. Свет лампы и музыка, передаваемая радио, также не привели их в восхищение. Зато они были очарованы пледом, который, хотя и пребывал в сильно истрепанном состоянии, но подсоединился к аккумулятору, прикрепленному под креслом, и принялся излучать мягкое тепло. Марджори возобновила свои приглашения тостеру остаться, распространив их и на плед.

– До того момента, когда вы полностью придете в себя, – объяснила она.
– Это очень любезно с вашей стороны, – ответил плед, – и я бесконечно благодарен за все, что вы сделали для меня. Но мы должны возобновить наш путь. Я искренне огорчен.

Марджори вздохнула, смиряясь.

– Не могли бы вы, по крайней мере, не выдергивать свой хвост из черного ящика, что наполняет чудесным теплом ваш мех, до самого момента отправления? Это тепло такое приятное. Не правда ли, милый?

– О, да, – сказал Гарольд, хлопотливо очищая очередные орехи. – Чрезвычайно приятное.

Гувер слабо запротестовал, опасаясь, что тостер и плед, работавшие на полной мощности, посадят аккумулятор. Но что они еще могли сделать, кроме как уважить просьбы белок? Да и помимо выражения признательности, было так приятно снова почувствовать себя полезными! Тостер охотно бы продолжил готовить орехи все утро, весь день, и белки, похоже, разделяли такой настрой.

– Я нахожу странной одну вещь, – важно сказал Гарольд, похлопывая тостер по корпусу (в настоящий момент покрытому следами от дождевых капель). – Я помню ваше утверждение, будто у вас нет никакого пола, в то время как вы явный самец.

Он изучил свое лицо в пятнистом полированном боку тостера.

– У вас усы и резцы самца.

– Глупости, милый, – возразила его супруга, прикидывая к другому боку тостера. – Сейчас, когда я присмотрелась повнимательней, я замечаю, что это усы самки, так же как и зубы.

– Я отказываюсь пускаться в нелепый спор о том, считать ли самца самцом. Поскольку совершенно очевидно, что он самец!

Тостер внезапно осознал, что ввел белок в заблуждение (равно как и маргаритку, встреченную накануне). Они видели самих себя в его полированном корпусе! Они жили на природе, не имея зеркал в ваннных комнатах, потому что не было и самих ваннных комнат, и не знали явления отражения. Какое-то короткое время он подумывал объяснить им причину их ошибки, но к чему это могло привести? Ему удалось бы лишь ранить их самолюбие. Нельзя требовать от всех людей, или от всех белок, здравомыслия. От приборов – да, поскольку они рациональны: такими их создали.

Тостер признался Гарольду по секрету, что он, конечно же, самец, как тот и предполагал. Затем, так же по секрету, доверился и Марджори, что он, естественно, самка. Он надеялся, что они сдержат свое обещание хранить тайну, в противном случае их дискуссия могла перерасти в нескончаемую.

Так как резисторы пледа были установлены на максимальный нагрев, он высох быстро. И после последней порции пожаренных орехов, пятеро путешественников попрощались с Гарольдом и Марджори и продолжили свой путь.

* * *

И сколь же долог и утомителен был этот путь! Лес тянулся нескончаемо и однообразно. Всякое дерево во всех отношениях походило на каждое следующее: ствол, ветви, листва; ствол, ветви, листва. Разумеется, сами деревья могли иметь совершенно иной взгляд на этот вопрос. У всех нас есть склонность считать, что остальные подобны друг другу, и только мы одни особенные, убеждение, в конечном счете, благое, поскольку избавляет нас от путаницы в мыслях. Но, конечно же, стоит время от времени вспоминать, что наш взгляд субъективен, а разнообразие окружающего мира чересчур велико, чтобы когда-либо удалось привести его к общему знаменателю. Впрочем, на данном этапе путешествия пятеро наших приборов напрочь забыли об этой фундаментальной истине, и в придачу к глубокой усталости они раздражались и теряли терпение. Тревожные пятна

ржавчины начали появляться на неполированной станине тостера, а также на внутренних частях. Скрипы в сочленениях, на которые жаловались пылесос и лампа, уже не проходили после нескольких упражнений, а досаждали в течение всего дня. Что касается бедного пледа, то он почти превратился в лохмотья. По-видимому, одно только радио не страдало чрезмерно от дорожных тягот.

Беспокойство охватывало тостер. Он спрашивал себя, не придут ли они в такое состояние, что хозяин сочтет их непригодными к использованию, когда им, в конце концов, удастся добраться до его городского жилища? В этом случае они угодят в кучу мусора, и все их старания присоединиться к хозяину, окажутся напрасными. Какая грустная награда за верность и преданность! Но среди людей очень редко встречаются те, кто слушает сердце, когда имеет дело с вещами. Более того, он прекрасно сознавал, что их хозяин – человек не самый жалостливый на свете. Тостер, бывший в загородном доме до него, еще работал, когда его выбросили на свалку. Единственными дефектами были отставшая кое-где хромировка да некоторая неточность таймера. Будучи совсем новым, тостер считал эти причины достаточными, чтобы заменить своего предшественника, но сейчас...

Сейчас предпочтительней было думать о чем-нибудь другом. Лучше положиться на чувство долга, которое ведет их через лес по тропинке.

И оно вело, пока тропа неожиданно не закончилась у речного обрыва.

Перед этим широким непреодолимым потоком они все впали в глубокое отчаяние. Гувер в своей подавленности почти утратил внутреннюю цельность, а затем и внешнюю целостность.

– Нет! – заревел он в полный голос. – Я отказываюсь! Ни за что! О! Остановите меня, вырвите мне двигатель, вытряхните мешок, бросьте одного и забудьте!

Он стал кашлять и отрыгивать, потом повернулся к своему шнуру электропитания и принялся с рычанием его грызть. Только у тостера хватило присутствия духа выдернуть питающий кабель пылесоса. Затем, чтобы успокоить, он повел его по травянистому берегу. Он водил его размеренно, туда и обратно, словно по ковру.

Знакомые движения вернули Гувера в себя, и вскоре он уже был способен объяснить причину срыва. До такой степени потряс его не только вид нового препятствия, но и уверенность, что оставшейся мощности аккумулятора не хватит на возвращение в загородный дом. Они не могли ни продолжить путь, ни отступить. Они застряли! Застряли посреди этого леса. Вот-вот наступит ночь, а через некоторое время им негде будет спрятаться от осеннего ненастья, потом придет зима, и снег укроет их своим саваном. Металлические детали приборов станут жертвами коррозии. Резиновый привод Гувера растрескается. Они не смогут противостоять стихиям, которые будут обессиливать их и разрушать, и уже через несколько месяцев, а может и недель, все они полностью выйдут из строя.

Ничего удивительного в том, что, представляя неизбежное развитие этих событий, Гувер потерял голову.

Что делать? – спросил себя тостер.

Никакого ответа на ум не пришло.

В начале вечера радио сообщило, что воспринимает помехи, исходящие из какого-то близкого источника.

– Похоже на дрель. Как раз на другом берегу реки.

Там, где работает дрель, должно быть электричество! Новая надежда оживила приборы, подобно резкому скачку напряжения в сети.

– Бросим еще один взгляд на карту, – предложила лампа. – Может, нам удастся определить точное место, в котором мы находимся.

Они последовали совету и развернули дорожную карту. Тщательно изучили все точки извилистой линии, соединяющей расположение их загородного дома (отмеченного

крестиком, нанесенным маркером) с розовым пятнышком города, представляющим пункт назначения. Всего в полусантиметре от розового пятна они обнаружили голубую неровную ленточку, которая должна была быть именно этой рекой, поскольку никакой другой голубой ленточки между домом и городом на карте не имелось. Кроме того, река выглядела чересчур крупной, чтобы картографы могли забыть ее нанести.

– Мы почти прибыли! – возликовало радио. – У нас получилось! Все к лучшему! Ура!

– Ура, – подтвердили остальные, за исключением пылесоса, который не так легко было убедить, что все к лучшему.

Но когда лампа нашла четыре места, где дороги пересекали реку, даже Гувер вынужден был признать, что у них есть причины радоваться, впрочем, не до такой степени, чтобы и ему, в свою очередь, возопить: «Ура!»

– Нам нужно лишь следовать вдоль реки, – объявил тостер, любивший давать инструкции, даже когда дело представлялось совершенно очевидным. – Хоть вправо, хоть влево. Рано или поздно, мы найдем какой-нибудь из этих мостов, и потом, дождавшись, когда прекратится движение, быстренько переберемся на ту сторону.

И так они снова тронулись в путь, с воспрявшим духом и окрепшей решимостью. Но задача оказалась не такой легкой, как позволяли надеяться слова тостера, потому что теперь перед ними не имелось никакой тропинки. Если берег над обрывом был плоским, как ковер, то вскоре земля стала неровной и кое-где (что еще важнее) сырой и заболоченной. Гувер совершил резкий поворот, огибая выпирающий камень, и кресло, одна ножка которого увязла в иле, наклонилось и опрокинулось набок. Все четверо пассажиров скатились в грязь. Они выбрались оттуда изрядно перемазанные, и перепачкались еще больше, отыскивая отвалившееся колесо, которое утонуло в бочажине.

Плед, естественно, был освобожден от этого задания, и пока остальные перерывали тину и ил в поисках колеса, он спустился к реке, намереваясь замазать пятна грязи на себе. Поскольку у него не имелось ни тряпки, ни губки, он добился лишь того, как это ни прискорбно, что размазал грязь еще шире. Он был так поглощен своими пустыми хлопотами, что чуть не упустил из виду...

– Корабль! – заорал он, – Идите все сюда! Я нашел корабль!

Даже тостер, бывший совершеннейшим невеждой в навигации, мог заметить, что судно, обнаруженное пледом, не первого класса. Дерево его корпуса выглядело столь же обветшалым, как и обшивочные доски с задней стороны дома, которые хозяин постоянно собирался заменить или, по крайней мере, покрасить. Кроме того, дно явно протекало, так как было покрыто толстым слоем бурой тины. И тем не менее, лодка, по всей вероятности, до сих пор могла плавать, поскольку на корме находился подвесной мотор марки «Крайскрафт». Кто ж оставит дорогой мотор на судне, которое уже не плавает?

– Оно послано нам Провидением, – сказал Гувер.

– Но вы же не имеете намерения воспользоваться этой шлюпкой? – спросил тостер.

– Конечно же, имею, – возразил пылесос. – Кто знает, сколько идти до ближайшего моста? Эта лодка позволит нам пересечь реку по прямой. Вы не боитесь, надеюсь?

– Боюсь? Разумеется, нет!

– Тогда в чем дело?

– Эта лодка не наша. Если мы ее возьмем, то станем не лучше... пиратов!

Пираты, как должны знать даже самые недавние наши читатели, это те, кто завладевает вещами, которые им не принадлежат. Они являются ужасом всех приборов, потому что, как только кого-нибудь из них захватит пират, у него не будет иного выбора, кроме как верно служить ему, словно законному хозяину. Какую горькую участь представляет собой подобное рабство... редко кто из приборов, попавших в руки пиратов, может надеяться на освобождение. Действительно, нет ничего более страшного, чем познать подобную судьбу. Хуже только – выйти из моды.

– Пираты! – воскликнул пылесос. – Мы? Какой абсурд! Кто-нибудь слышал, чтобы прибор был пиратом?

– Но если мы возьмем этот корабль... – не отступал от своего тостер.

– Мы не собираемся забирать его себе, – резко возразил Гувер. – Мы его всего лишь «позаемствуем», чтобы переплыть реку. Мы оставим его на другом берегу, и хозяину не понадобится много времени, чтобы найти его.

– Сколько он будет у нас находиться, не имеет значения. Дело в принципе. Взять что-нибудь, тебе не принадлежащее, это и есть пиратство в чистом виде.

– Ах, что касается принципов, то существует одна знаменитая пословица, – заявило радио беззастенчиво. – «Цель оправдывает средства». Это означает, насколько я могу судить, что когда нам нужно переплыть реку, а на берегу находится судно, не стоит стесняться.

И на этом, с веселым смешком, радио вспрыгнуло на носовую скамью лодки.

Следуя примеру радио, Гувер поднял кресло и поставил его на корму, а потом и сам перебрался на борт. Лодка слегка осела.

Плед расположился рядом с радио, старательно избегая обвиняющего взгляда тостера.

Лампа же, по-видимому, пребывала в неуверенности. Но колебалась она совсем недолго и, в свою очередь, забралась на судно.

– Ну, так что? – спросил Гувер с резкостью. – Мы ждем.

С неохотой тостер приготовился погрузиться на борт. Но непостижимым образом что-то заставило его замереть. *Что происходит*, – спрашивал тостер... неспособный между тем высказать свой вопрос вслух, потому что та же мистическая сила, которая не позволяла ему двигаться, еще и запрещала говорить.

Остальные четверо приборов тоже оказались парализованными на борту лодки. Объяснение тому было очень простым: вернулся хозяин судна, и он видел приборы.

– Что за черт? – воскликнул он, выходя из ивняка с удочкой в одной руке и со снижкой рыбы в другой. – Похоже, кто-то побывал здесь.

Он добавил еще много чего, но с такой грубостью и вульгарностью, что лучше воздержаться от повторения. Смысл его речи сводился к следующему: он думал, что владелец этих приборов пытался украсть его судно, и в качестве репрессивной меры собирался присвоить себе все, что тот оставил в лодке при бегстве.

Он взял тостер, неподвижно замерший на берегу, и положил его в лодку рядом с пледом, лампой и радио. Потом отцепил аккумулятор от кресла и далеко отшвырнул это последнее. Оно упало... плюх!.. в воду и ушло на илистое дно, чтобы уже никогда не показаться на поверхность.

Затем пират (ни малейшего сомнения в статусе этого человека уже не возникало) запустил мотор и двинулся поперек течения с пятью беспомощными пленниками на борту.

Причалив к обветшалой пристани на другом берегу реки и подняв мотор, пират перенес приборы в запыленный кузов небольшого грузовичка, за исключением радио, которое взял с собою на переднее сиденье. Тронувшись с места, грузовичок принялся трястись, подпрыгивать на ухабах и мотаться из стороны в сторону так резко, что тостер испугался, как бы этот перегон не стоил ему всех резисторов. (Сколь прочными ни казались бы тостеры, в действительности, они относятся к хрупким приборам, и обращаться с ними нужно соответственно). Но плед, сознающий опасность, грозившую другу, сумел просунуться под него и таким образом смягчить удары.

По дороге они молча слушали радио из кабины, пока то не перешло к мучительной теме *Доктора Живаго*.

– Вы только подумайте! – зашипел Гувер. – Из всех существующих оно выбрало любимую мелодию нашего хозяина. Оно его уже забыло.

– А разве у бедняги был выбор? – возразил тостер. Если бы этот человек включил кого-то другого из нас, неужели мы повели бы себя иначе? Например, вы или я?

Старый пылесос вздохнул, а радио продолжало передавать эту мелодию, ну до того печальную!

* * *

Для машин и всевозможных электроприборов свалки – это то же самое, что кладбища для людей: мрачные зловещие места, которые всякое существо в здравом уме старается избегать. И представьте себе чувства наших приборов, когда они осознали (пират остановил грузовичок перед высокими железными воротами и открыл висячий замок ключом из связки на поясе), что привезены на городскую свалку! Вообразите ужас, их охвативший, когда пират въехал внутрь и они догадались, что он здесь живет! Там, дымя печной трубой, стояла его жалкая хибара... в окружении пейзажа, самого угнетающего и пугающего из всех, какие тостер когда-либо мог видеть. Автомобильные шасси, некогда надменные, а ныне расчлененные, громоздились друг на друге, образуя настоящие горы ржавеющего железа. Асфальт был усеян погнутыми брусьями, покорбившимися металлическими листами, поломанными и изношенными деталями всевозможной формы и назначения... короче говоря, ужасающими символами их собственного неминуемого конца. Картина страшная для глаза... и вместе с тем, чем-то болезненно завораживающая. Хотя они много раз слышали о городской свалке, но до сего момента не верили до конца в ее существование. И сейчас даже свирепый взгляд пирата не мог прекратить их содрогания от страха и изумления.

Пират выбрался из грузовичка и отнес радио, удочку и дневную добычу в свою лачугу. Другие приборы, оставленные в кузове без присмотра, слушали, как радио играет одну за другой песни в хорошем настроении, не имевшем, похоже, конца. Среди прочих прозвучала и любимая песенка тостера: «Свищу веселенький мотив». Тостер был уверен, что это не простое совпадение и что, если они проявят стойкость, терпение и веру в себя, дела, в конце концов, наладятся. Но в любом случае, будь то намеренный выбор радио или так была составлена программа станции, тостер воспринял это как послание.

Пообедав, пират вышел осмотреть остальные приборы. Он потыкал пальцем в испачканный мешок для сбора мусора пылесоса, затем в оголенную часть силового кабеля, который сам же и ободрал. Снял кожух и потряс головой с неодобрительным видом. Заглянул под колпак лампы и заметил (чего сама она до сих пор еще не осознала), что маленькая лампочка разбита. Вероятно, это произошло, когда приборы упали с опрокинувшегося кресла незадолго до того, как им найти лодку.

Наконец пират поднял тостер и презрительно скривился.

– На свалку! – сказал он, роняя его на ближайшую кучу металлолома.

– На свалку! – определил он таким же образом лампу.

– На свалку! – повторил он еще раз, швыряя бедный плед на ось от старого Форда модели 57 года.

– На свалку!

Он бросил пылесос на асфальт.

Пылесос приземлился с сухим пугающим треском.

– Одна рухлядь!

Вынеся этот грустный вердикт, пират вернулся в хижину. И в течение всей драмы радио так и продолжало весело петь.

– Слава Создателю! – воскликнул тостер, как только пират скрылся.

– Слава Создателю? – переспросил пылесос ошеломленно. – Как можете вы славить Создателя, когда нас только что оценили рухлядью, а вас самого бросили в металлолом?

– Если бы он решил отнести нас в свою лачугу, мы бы стали его собственностью, как радио. А так у нас появляется шанс сбежать.

Плед, продолжавший безвольно висеть на поломанной оси, принялся охать и причитать.

– Нет, нет, я и в самом деле стал рухлядью! Посмотрите на меня... видите эти прорехи, разрывы, пятна. И именно здесь мое место... на свалке!

Лампа не столь шумно выражала свою печаль, но эта последняя была не менее горькой.

– О, моя лампочка, – вздыхала она. – О, моя бедная лампочка!

Заскулил Гувер.

– Возьмите себя в руки, – сказал тостер тоном, который ему самому казался повелительным. – Никто из нас не находится в безнадежном состоянии. Вы... (он обратился к пледу) по-прежнему можете работать. Ваши резисторы не пострадали. Небольшая штопка да некоторая сухая чистка – и вы станете как новенький.

Он повернулся к лампе.

– С чего все эти lamentации на тему разбитой лампочки? Вы ее теряете не в первый, и, скорее всего, не в последний раз. Зачем еще, по-вашему, существуют детали на замену?

Наконец тостер перевел внимание на пылесос:

– А вы? Ведь вы же наш шеф. И ваш долг в том, чтобы поддерживать всех нас своею мощью. А вместо этого вы стонете и изводите себя. И все из-за того, что какой-то старый пират, живущий на городской свалке, позволил себе несколько неприятных замечаний. Бьюсь об заклад, он даже не знает, для чего служат пылесосы.

– Вы действительно так думаете? – спросил Гувер.

– Конечно. Вы и сами бы так думали, прояви хоть немного здравомыслия. Ради Создателя, давайте успокоимся и поищем способ освободить радио и сбежать подальше отсюда.

В полночь они сотворили чудо. Гувер поменял их аккумулятор на тот, что снял с грузовичка пирата. Тем временем лампа отправилась на поиски каких-нибудь ворот или калитки помимо центральных. Она их не нашла, но зато обнаружила повозку, подходящую им даже больше, чем офисное кресло, брошенное пиратом в реку. Это было просторное виниловое ландо, известное также в мире вещей под именем детской коляски. Какое название ни употреби, транспортное средство находилось в совершенной исправности... за исключением двух не очень серьезных дефектов. Первый представлял скрежет переднего левого колеса, второй – угол, под которым был вывернут его капот, создавая впечатление, что коляска едет вбок, даже при прямом движении вперед. Несколько капель машинного масла полностью устранили скрежет, однако капот отказывался принять свое первоначальное положение. Но, в конце концов, это не имело большого значения. Главное то, что она катилась.

Подумайте, сколько вещей брошено на свалке, как, например, это ландо или сами наши герои, вполне еще в рабочем состоянии. Там можно было найти фены, велосипеды с четырьмя скоростями, пишущую машинку с одной западающей клавишей, детские автомобильчики с инерционным двигателем, заводные игрушки, которые прослужили бы еще годы и годы после небольшой починки. А вместо этого всех их отправили на городскую свалку! Повсюду слышались вздохи отчаяния и уже бессвязный лепет, поднимавшиеся над каждым холмиком, пугающий гул, который нарастал по мере того, как брошенные вещи замечали присутствие новых, энергичных, приборов.

– Вам ни за что не удастся сбежать... даже не мечтайте! – прокаркал ломкий голос старой магнитолы, потерявшей рассудок. – Вы останетесь здесь, как и все мы, навечно! Вы проржавеете, растрескаетесь и превратитесь в пыль. Вам никогда не уйти!

– Мы сделаем это, – возразил тостер. – Подождите немного, и сами увидите.

Но как? Эту проблему надо было решать незамедлительно.

Лучший способ найти решение проблемы состоит в том, чтобы поразмыслить о ней. Именно этим и занимался тостер. Он думал, прилагая такие же усилия, которые необходимы для того, чтобы отвернуть гайку, намертво навинченную на болт. На первых порах она отказывается даже шевельнуться, и ключ срывается в любом положении. Начинаешь сомневаться, что у тебя вообще когда-нибудь получится. Но все же не отказываешься от попыток и используешь капельку масла, если оно под рукой. Сначала это только слабое впечатление, еще не уверенность, и вот она тронулась, тебе удалось, и ты уже победитель! Именно таким образом размышлял тостер и настолько глубоко сконцентрировался, что, в конце концов, придумал, как сбежать от пирата, освободив перед этим радио.

– Вот мой план, – объявил он своим компаньонам, собравшимся вокруг него в самом темном углу свалки. – Мы напугаем пирата и вынудим его удрать. Когда он выскочит, нам останется только проникнуть в лачугу...

– О, нет, я никогда не смогу сделать ничего подобного, – перебил его плед, содрогаясь от страха.

– Мы войдем в лачугу, – спокойно повторил тостер. – Возьмем радио и поместим в ландо, затем сядем сами. Кроме, разумеется, Гувера, который и потащит его отсюда как можно быстрее.

– Но ворота закрыты, – напонила лампа, – и даже на замок.

– Пирату придется их открыть, чтобы убежать, и его страх будет таким сильным, что он, конечно же, не подумает закрыть их за собой.

– План мне кажется превосходным, – признал Гувер. – Но я все еще не понимаю, как мы сможем напугать пирата.

– Чего люди боятся больше всего?

– Быть раздавленными асфальтным катком? – предположил Гувер.

– Нет. Есть кое-что, чего они боятся больше.

– Моли? – подал идею плед.

– Нет.

– Темноты! – заявила лампа, уверенная в этом факте.

– Почти, – ответил тостер. – Привидений.

– Кто такие привидения? – осведомился Гувер.

– Это те, кто умерли, оставаясь, некоторым образом, живыми.

– Не глупите, – сказала лампа. – Они либо умерли, либо живы.

– Все верно, – добавил плед. – Это как «вкл.» и «выкл.». Если «вкл.», то нельзя быть одновременно «выкл.», и наоборот.

– Я знаю это, и вы знаете. А вот люди, кажется, нет. Они говорят, что привидений не существуют, но, тем не менее, очень боятся их.

– Никто не может бояться того, что не существует, – возразил Гувер.

– Не спрашивайте меня о причинах, – сказал тостер. – Подобные вещи у них называются парадоксом. Важно лишь то, что они боятся привидений, и мы изобразим одно из них.

– Как? – спросил Гувер скептически.

– Давайте я покажу. Опуститесь пониже... еще. Обмотайте ваш шнур питания вокруг моего... хорошо... теперь поднимите меня...

После часовой репетиции они посчитали, что полностью готовы. Осторожно, чтобы не уронить приборы, старый Гувер подкатился к окну хибары. Тостеру, балансировавшему на конце поднятого шланга пылесоса, с трудом удалось заглянуть внутрь. На столе, между стопкой мисок и связкой ключей, стояло радио. И дальше, в полосатой и изрядно грязной пижаме, располагался человек, явно собравшийся ложиться спать.

– Готовы? – спросил тостер шепотом.

Плед, закутавший пылесос, чтобы придать ему призрачные очертания с неким капюшоном на вершине, из которого тостер и мог выглядывать наружу, поправил свои складки в последний раз.

– Готов, – ответил плед.

– Готовы? – снова спросил тостер.

Лампа, пристроившаяся на середине поднятого шланга пылесоса, на короткое мгновение зажглась и потухла. Ее новая лампочка, позаимствованная из-под плафона грузовичка, предназначалась для напряжения в два раза более высокого, чем то, которое она получала, и, следовательно, светилась она сейчас в два раза слабее... как раз так, чтобы плед был окружен туманным желтоватым ореолом.

– В таком случае, начинаем *являться*, – объявил тостер.

Это был сигнал Гуверу.

– Ууууууууууу! – завыл пылесос своим самым глубоким и устрашающим голосом. – Уууууу!

Пират поднял заметно обеспокоенный взгляд.

– Кто там? – спросил он.

– Уууууу... уууууу! – продолжил Гувер.

– Кто бы вы ни были, лучше вам убраться!

– Уу... уу... уууу!

С осторожностью пират приблизился к окну, из которого раздавались эти мрачные завывания.

Получив электрический импульс от тостера, пылесос мягко покотился вдоль стены хибары к тому месту, на котором его нельзя было увидеть из окна.

– Уу... – тихонько подвывал пылесос. – Уу... уууу... ууу...

– Кто там? – опять спросил пират.

Он прилип носом к стеклу и обшаривал взглядом тьму, царившую за окном.

– Лучше бы вам ответить. Вы меня слышите?

Гувер откликнулся сдавленным булькающим хрипом, который должен был испугать пирата, даже если бы тот знал, что его испустил пылесос. Теперь у человека, не имевшего ни малейшего представления о происхождении этих таинственных завываний, нервы уже должны были разыгаться вовсю. Когда живешь один на лоне городской свалки, конечно же, не ожидаешь услышать сдавленные хрипы посреди ночи прямо под окнами. А если ты еще и слегка суеверен, как все пираты...

– Ладно... раз вы отказываетесь сказать, кто вы, я сейчас выйду и сам узнаю!

Он еще подождал у окна, но поскольку ответа так и не последовало, пошел натянуть штаны и обуть свои ботинки.

– Я вас предупредил! – закричал он тоном, который все же невозможно было посчитать угрожающим.

По-прежнему, без ответа. Он взял связку ключей со стола рядом с радио и приблизился к двери. Открыл ее.

– Давайте, – приказал тостер пледу электрическим сигналом, переданным через шнур питания.

– Я не могу, – отозвался плед, содрогаясь. – Я чересчур боюсь.

– Вы должны это сделать.

– Нет, это противоречит закону.

– Мы уже обсуждали вопрос, и вы дали обещание. Теперь поторопитесь... пока пират не пришел сюда!

Трепещущий плед повиновался. В нем имелась дыра, проделанная ветвью в ту ночь, когда его ветром унесло на дерево. За ней пряталась лампа, и когда пират показался из-за угла хибары, плед замахал боковыми полами.

Человек встал как вкопанный, увидев перед собой силуэт, одетый в саван.

– Уууууууууууу! – завыл пылесос в последний раз.

По этому сигналу зажглась лампа. Ее мерцание сквозь дыру в пледе осветило лицо человека.

Последний, застыв от ужаса, смотрел на призрачную тень, преграждавшую ему путь. Он увидел то же, что видели до него маргаритка и белки... Он увидел свое собственное отражение в хромированном корпусе тостера. А поскольку пират был недобрый с детства, его лицо постепенно приобрело неизгладимые отталкивающие черты, свойственные только зловредным личностям. При виде этого странного существа под капюшоном пират поневоле предположил, что перед ним самый опасный из всех призраков – тот, что в точности знает, кто мы, кому ведомы все наши дурные поступки и который явился за них наказать. Даже закоренелые пираты бегут от таких призраков со всех ног, и наш проделал то же самое.

Как только он исчез, приборы бросились внутрь хижины и освободили обрадованное радио. Затем, пока человек не вернулся, взобрались в ландо, которое старый Гувер потащил подалеже оттуда так быстро, как только позволяли его маленькие колесики.

* * *

Удача была с ними, и им не пришлось тратить очень много времени на дорогу. Ньютон Авеню, на которой жил их хозяин, находилась всего в километре от городской свалки. Они добрались до жилого дома рано утром, когда еще ни один молочный фургон не появлялся на улицах.

– Видите, – радостно сказал тостер, – в конце концов, все устроилось.

Увы, слова были преждевременными. Их испытания еще не закончились, а кое-что вообще не могло никогда устроиться, как им предстояло вскоре узнать.

Гувер, способный на подобные штуки, повернул круглую ручку входной двери, которая открылась, затем вызвал лифт. Когда, в свою очередь, распахнулась дверь кабины лифта, он втащил внутрь ландо и нажал на кнопку четырнадцатого этажа.

– Тут изменилось, – обратила внимание лампа, когда Гувер вытянул ландо из кабины и свернул в коридор. – Раньше здесь были обои с зелеными завитушками и белыми пятнами, а сейчас какие-то перекрещенные линии.

– Больше всего изменились мы сами, – грустно заметил плед.

– Тише, – строгим голосом одернул их пылесос. – Вы забываете закон!

Он придавил кнопку звонка рядом с дверью квартиры хозяина.

Все приборы застыли в абсолютной неподвижности.

Дверь не открывалась.

– Вероятно, он спит, – предположило радио.

– Он может и отсутствовать, – сказал Гувер. – Надо убедиться.

Он снова позвонил, но теперь уже совсем по-другому, так что только приборы, находящиеся в квартире, могли услышать.

Мгновение спустя дверь открыла швейная машинка Зингер.

– Да? – спросила швейная машинка с любезностью и любопытством. – Чем могу служить?

– О, простите, видимо, я ошибся.

Гувер посмотрел на номер квартиры, затем на имя, выгравированное на медной табличке, как раз над звонком. И номер, и имя были теми. Но... швейная машинка?

– Кто там? – спросил знакомый голос из глубины квартиры. – Ба, да это старина Гувер! Здравствуйте. Входите, входите же!

Пылесос втолкнул ландо в квартиру. Они прокатились по толстому паласу прямо до их старого друга телевизора.

Плед боязливо выглянул из ландо.

– Но кто это с вами? Выбирайтесь... не робейте. О, Создатель, какая радость!

Плед сполз с ландо, не забыв прикрыть складками наиболее плачевные следы путешествия, так чтобы никто не заметил. За ним появилось радио, потом лампа, и последним показался тостер.

Телевизор, знавший всех пятерых, так как несколько раз приезжал на лето в загородный дом, представил их многочисленным приборам квартиры, которые собрались в гостиной. Некоторые, например, миксер и сам телевизор, были из старых друзей. Другие, как стереокомбайн и каминные часы, знали четверых из них, тоже живших когда-то в этой квартире, всех, кроме тостера. Однако большинство здешних обитателей были им незнакомы. Имелись тут кувшины, переделанные в малопрактичные светильники, расставленные на низких столиках, а также две маленькие прикроватные лампы с гофрированными абажурами, пришедшие из спальни, и другие лампы, закрепленные обычно на стене в кухонном углу, стилизованные под канделябры. Целый выводок незнакомых приспособлений появился из кухни: горшок-лампа, консервная открывалка, вафельница, крупорушка, фигурный нож, яйцезрезка и, слегка смущенный, новый тостер хозяина.

– Как поживаете? – спросил он у своего коллеги едва слышным голосом, когда телевизор приступил к представлениям.

Ни тот, ни другой не знали, что добавить. К счастью, оставались еще приборы, которые нужно было представить. Гувер тоже подвергся подобному испытанию, когдазнакомился с квартирным пылесосом, оказавшимся (как и боялся Гувер) одной из этих новых моделей в весе пера, похожих на большие круглые булочки, снабженные колесиками. Они обменялись любезными замечаниями, но было совершенно очевидно, что новый пылесос считает Гувера устаревшим.

Еще более тяжелое потрясение ожидало электрический плед. Последними в комнате появились ингалятор и длинная перепутанная елочная гирлянда, спавшие оба в стенном шкафу. Плед смотрел на них с любопытством.

– Итак, – сказал он, прилагая невероятные усилия, чтобы выглядеть дружелюбным и безмятежным, – думаю, остался еще кое-кто, с кем мы не познакомились.

– Нет, – ответил телевизор, – мы все здесь.

– А... электрический плед?

Телевизор отвел взгляд.

– Хозяин больше ими не пользуется. Есть только шерстяное одеяло.

– Но он всегда... всегда...

Плед не смог продолжить. Он утратил все свое мужество и осел на ковер бесформенной кучей.

Квартирные приборы, окружившие плед, испустили вздох удивления, когда осознали, насколько тяжелы его раны.

– Он не пользуется больше электрическими пледами? – повторил тостер с негодованием. – И по какой же причине?

Экран телевизора замерцал, и на нем появилась заставка программы: «В помощь садоводу».

– Хозяин тут не причем, уверяю вас, – сказала швейная машинка Зингер тихим чопорным голосом. – Могу даже предположить, что он будет только рад увидеть свой старый плед.

Последний поднял вопросительный взгляд.

– Это хозяйка, – добавила машинка. – Она находит, что под пледом чересчур жарко.

– Хозяйка? – переспросили хором гости.

– Вы не знали об этом?

– Нет, – ответил тостер. – Мы не имели никаких известий о хозяине с тех пор, как он покинул загородный дом вот уже три года назад.

– Два года, одиннадцать месяцев и двадцать два дня, – уточнило радио.

– Поэтому мы и решились прийти сюда. Мы боялись... не знаю чего, на самом деле. Мы просто подумали, что хозяин может нуждаться в нас.

– О, – произнесла швейная машинка.

Она повернулась к экрану, следя за начавшейся передачей.

Как можно незаметней новый тостер возвратился на свое место в кухне на рабочем столе – в муравейник.

– Два года, одиннадцать месяцев и двадцать два дня тянутся очень медленно, когда остаешься в одиночестве, – заявило радио, повышая громкость звука. – Естественно, мы начали беспокоиться. Бедный кондиционер окончательно вышел из строя.

– И за все это время ни единого слова объяснения, – добавила настольная лампа.

Она глянула с упреком на телевизор, продолжавший излагать, какие проблемы доставляют садоводу шпанские мухи.

– Никто из вас не может сказать, почему? – спросил тостер с нажимом. – Почему он больше не приезжал в загородный дом? Какая-то причина должна быть!

– Я вам скажу, – объявил ингалятор, склонившийся вперед. – Видите ли, хозяйка дома подвержена сенной лихорадке. Мне удастся немного облегчить ее астму, но когда у нее начинается сенная лихорадка, никто и ничто не может ей уже помочь, и она сильно страдает.

– Я, по-прежнему, не понимаю, – ответил тостер.

Швейная машинка решила расставить все точки над «и».

– Вместо того чтобы отправляться за город, где полно травы, пыльцы и всего прочего, они теперь проводят лето на море.

– А наш дом... наш чудесный дом в лесу... что будет с ним?

– Мне кажется, хозяин собирается его продавать.

– А... а мы? – спросил тостер.

– Я так поняла, что будет продажа с молотка, – сообщила им швейная машинка.

Гувер, державшийся очень достойно в течение всего визита, не смог более это выносить. Он испустил стон и вынужден был опереться на ландо.

– Пойдемте, – задыхался он. – Уйдем отсюда. Мы здесь нежеланны. Мы вернемся В... В...

Но куда они пойдут? Где им укрыться? Они стали бездомными приборами!

– На свалку, – завизжал плед в истерике. – Разве не туда должны отправляться выброшенные вещи? И то, чем мы стали... рухлядь!

Он скрутил свой шнур питания в один запутанный клубок.

– И именно так определил нас тот пират. Рухлядь! Рухлядь! Рухлядь! Все мы, а я еще больше, чем вы!

– Успокойтесь, – сухо приказал тостер, хотя и сам чувствовал, что его резисторы вот-вот разорвутся. – Мы не рухлядь. Мы прочные и исправные приборы!

– Посмотрите на меня! – вскричал плед, демонстрируя наиболее ужасные раны. – И эти пятна грязи... видите?

– Ваши дыры можно зашить, – спокойно ответил тостер.

Он повернулся к швейной машинке.

– Не так ли?

Зингерша склонила голову в молчаливом согласии.

– Ваши пятна можно вычистить.

– А потом? – горестно спросил Гувер. – Предположим, что наш друг починен и почищен, мой силовой кабель и мешок для сбора мусора приведены в нормальное состояние, а ваш корпус отполирован. Согласен, предположим все это... и что дальше? Куда мы пойдём?

– Не знаю. Куда-нибудь. Мне нужно подумать.

– Извините меня, – сказал телевизор, прерывая передачу: «В помощь садоводу». – Мне слышалось, вы говорили о... о пирате?

– Да, – нервно добавила швейная машинка. – Какого пирата вы имели в виду? Надеюсь, в доме нет никаких пиратов?

– Не пугайтесь... не стоит больше беспокоиться по этому поводу. Он нас захватил, но мы сумели сбежать от него. Хотите послушать, каким образом?

– Великий Создатель, конечно, – ответил телевизор. – Обожаю хорошие истории.

И все приборы расселись вокруг тостера, который начал рассказ об их приключениях с того момента, как они решили покинуть загородный дом, и до того, когда позвонили в дверь квартиры. Это была очень длинная история, как вы уже знаете, и пока тостер ее рассказывал, швейная машинка штопала разрывы и прорехи электрического пледа.

* * *

На следующий день, когда плед вернулся от *Джиффи*, пункта чистки и глажения, расположенного на другой стороне Мэдисон Авеню, приборы квартиры устроили торжественный прием в честь пятерых гостей. Елочная гирлянда развесилась между двух светящихся кувшинов и принялась мигать самым развеселым образом, в то время как радио и стереокомбайн дуэтом исполняли арии из популярных мюзиклов. Тостер был отполирован до блеска, Гувер тоже приведен в полный порядок. Но самым чудесным казалось то, что плед теперь выглядел как новенький. Его желтый цвет, возможно, стал не таким ярким, как когда-то, но это был приятный желтый цвет. Тот самый желтый, по мнению телевизора, что и у крем-брюле, примул и самых красивых махровых полотенец.

В пять часов радио переключилось, и все замерли, кроме пледа, который продолжал радостно порхать и кружиться посреди гостиной, пока не заметил, что музыка прекратилась.

– Что происходит? – спросил он. – Почему такая тишина?

– Помолчите, – сказала радио. – Время *Биржи Обмена*.

– Что такое *Биржа Обмена*? – спросил плед.

– Как и указывает ее название, это передача, в которой слушатели обменивают разные вещи, – объяснил тостер возбужденно. – Сейчас мы найдем себе новое жилище! Я ведь говорил вам не беспокоиться, верно? Я сказал, что займусь этим.

– Тихо! – потребовало радио. – Начинается.

Радио увеличило громкость, чтобы все приборы в комнате могли слышать.

– Добрый вечер, – произнес глубокий голос ведущего. – И добро пожаловать на *Биржу Обмена*. Нашу сегодняшнюю программу открывает мало обычное предложение, полученное с Ньютон Авеню. Кое-то выставляет... послушайте весь список! Пылесос Гувер; радио с будильником (без частотной модуляции); электрический плед; настольную лампу и тостер Санбим. И все это в обмен... итак, я читаю: «на что хотите». Важно иметь настоящую подлинную потребность во всех пяти приборах, поскольку нынешний их хозяин выдвигает непременным условием, чтобы они оставались вместе. *По сентиментальным соображениям!* А мне казалось, что я уже всякое слышал! Как бы там ни было, но если вам нужны эти пять приборов, звоните по номеру: 485-9120. Я повторяю: 485-9120. Наше следующее предложение менее необычное. Оно поступило к нам от слушательницы с Сентрал стрит, которая желает отдать в хорошие руки, ничего не прося взамен, пять обворожительных маленьких...

Радио прервало передачу.

– Разве не удалось добиться впечатления, что мы представляем собой исключительный случай? – воскликнуло радио, забывая в своей экзальтации сменить тон, которым вел программу диктор.

– Подойдите к телефону, – сказал Гувер радио. – Думаю, лучше будет ответить вам, когда позвонят. Я чересчур взволнован, чтобы сделать это.

Пятеро приборов сгрудились у телефона.

Существуют два противоположных мнения относительно того, могут или не могут приборы иметь свободный доступ к телефону. Некоторые считают, что это противоречит закону и должно быть запрещено при любых обстоятельствах... в то время как другие стоят на том, что в этом нет ничего плохого, поскольку, в любом случае, говоришь всего лишь с другим устройством – телефонным аппаратом. Законно это или нет, но многие приборы (одинокое радиоприемники, большей частью) регулярно пользуются телефоном, в основном, чтобы поболтать с себе подобными. Это и объясняет большое количество звонков, вызванных так называемой «ошибкой в номере», в те часы, когда люди находятся дома в необычное для себя время. Операторы телефонных станций не могут допустить столько ошибок, которые приписываются обычно им.

В последние три года эта моральная проблема мало занимала наши пять приборов, так как телефон в загородном доме был отключен. В обычной ситуации пылесос категорически бы воспротивился тому, чтобы кто-нибудь из них воспользовался телефоном, поскольку он был скорее консервативен. Но сначала им пришлось звонить *Джиффи*, чтобы оттуда прислали за пледом, и это создало прецедент для последующего звонка на радиостанцию, когда они выставили самих себя на *Биржу Обмена*. И вот теперь они собрались вокруг телефонного аппарата, с нетерпением ожидая, когда смогут поговорить со своим будущим хозяином.

Раздался звонок.

– Что бы вы ни решили, – предупредил Гувер, – не говорите сразу же «да» первому позвонившему. Сначала наведите справки. Мы не хотим идти абы куда, вы знаете.

– Хорошо, – согласилось радио.

– И не забывайте быть любезной, – добавил тостер.

Радио кивнуло, затем сняло трубку.

– Алло? – сказала оно.

– Это вы предлагаете обменять пять приборов?

– Да! О, Создатель. Да, ну, конечно же, да!

И таким образом пятеро электробытовых приборов перебрались жить к новой хозяйке, поскольку позвонила именно женщина. Это была балерина определенного возраста, не очень богатая, которая жила одна в маленькой квартирке, позади собственной школы танцев на Централ стрит в самой старой части города. Она обменяла своих пятерых обворожительных черно-белых котят на приборы. Их прежний хозяин так и не сумел понять, каким образом котята пробрались в квартиру, когда вместе с женой вернулся из отпуска, проведенного на берегу моря. Ситуация была затруднительной, поскольку его жена имела аллергию и на кошачью шерсть, но котята выглядели такими крошечными, что представлялось совершенно невозможным выбросить их на улицу. В конце концов, они решили их оставить, и его жена просто увеличила дозу принимаемых антигистаминов.

А пятеро приборов, спросите вы?

Ну что ж, они жили счастливо, очень счастливо. Поначалу Гувер был совсем не в восторге от идеи служить женщине (поскольку он, крепко державшийся своих привычек, служил до этого только мужчинам), но быстро осознав, что балерина была хозяйкой дома требовательной и безупречной, забыл все оговорки, какие мог привести, и предался ей душой и телом.

До чего же было приятно снова почувствовать себя полезными! Радио передавало классическую музыку, чтобы балерина могла танцевать. Когда она уставала и садилась почитать, лампа освещала ей страницы. А позже плед создавал нежное ровное тепло, которое делало ее постель уютной и в самые холодные ночи.

А утром, когда она пробуждалась, как вкусны были гренки, приготовленные для нее тостером... такие золотисто-коричневые, такие хрустящие, такие совершенные... и все это каждый день!

И так пять наших электробытовых приборов жили и трудились в счастье и довольстве, исполненные сознания собственной нужности. Они служили любимой хозяйке и оставались вместе до самого конца своих дней.

Перевод с английского –
Иван Логинов

Сайт переводчика: <http://ivan-loguinov.blogspot.com/>
ЖЖ переводчика: <http://ivan-loguinov.livejournal.com/>